

ДВОЙНОЙ

АРТЕФАКТ-ДЕТЕКТИВ

**ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА**

**ПОРТРЕТ
КОРОЛЕВСКОГО
ПАЛАЧА**

&

**ПРОКЛЯТЫЙ
ПОДАРОК
АВРОРЫ**

**МОСКВА
2019**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Портрет королевского палача. Проклятый подарок Авроры : [романы] / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с.

ISBN 978-5-04-105237-9

Портрет королевского палача

У акушерки Вали простая мечта русской женщины — выйти замуж за француза. Разумеется, герой ее романа должен быть благороден, как Атос, красив, как Ален Делон, и ничуть не менее щедр, чем великий Наполеон. Валя и сама драгоценный подарок: как любая российская женщина, готова спасти и Россию, и Францию, и одного-единственного. Но вот беда — так случилось, что простая акушерка с окраины Нижнего Новгорода почему-то всегда попадает в самые немыслимые истории...

Проклятый подарок Авроры

Блистательная красавица своего времени — Аврора Шернваль-Демидова-Карамзина недаром получила «титул» смертоносной красавицы. Казалось, над ней тяготеет проклятие. Каждый ее подарок погубил не один десяток людей. Одной из жертв стала русская девушка — партизанка Лиза Ховрина-Петропавловская. История ее трагической судьбы странным образом сплелась с судьбой писательницы Алёны Дмитриевой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105237-9

© Арсеньева Е. А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ПОРТРЕТ
КОРОЛЕВСКОГО
ПАЛАЧА

Наши дни.
Валентина Макарова

Как подумаешь, что всего этого могло и не случиться, если бы не ворона...
Ведь именно из-за нее я нашла те несчастные пятьдесят евро! И так обрадовалась! Может быть, для кого-то это ерунда, а для меня — изрядная сумма! А я всю жизнь пребывала в уверенности, что чем больше денег, тем лучше. Но, помнится, наша старая соседка, которая давно уже отбыла в мир иной, говорила когда-то, во времена реликтовой коммуналки: «Лучше быть бедным и больным, чем богатым и здоровым». Я тогда хихикала: дескать, все перепуталось в ее утомленной жизненным солнцем головушке! Однако теперь я понимаю, что бабуля эта была совершенно права. На одну только мизерную пенсию, обуреваемая бессчетными болезнями, она дожила до восьмидесяти пяти лет и померла, совершенно довольная судьбой. А вот я, вполне здоровая и некоторым образом богатая (в кармане почти тысяча, вперемешку в долларах и евро, — это же целое состояние, особенно в переводе на рубли!), отнюдь не заживусь на этом свете. Строго говоря, у меня нет почти никаких шансов перешагнуть тридцатилетний рубеж.

И все из-за вороны!

* * *

Ворона возникла в моей жизни в половине третьего ночи — стылой и сырой июньской ночи. Я стояла на автобусной остановке на площади Свободы и думала, как жить дальше...

8 А между тем ситуация вышла самая банальная. Жена моего любовника, с которой он три месяца собирался развестись, внезапно вернулась из Москвы, где жила и работала. И едва мы отдышались после очень неплохого секса, как раздался скрежет ключа, поворачиваемого в замке.

Любезный друг схватил меня за руку, стянул с кровати и начал таскать за собой по комнате. Несколько мгновений я машинально влачила за ним по комнате, словно консервная банка, привязанная к собачьему хвосту, и слушала его испуганное бормотание:

— Нет... нет, здесь ты не поместишься! Она тебя сразу увидит. А в шкафу ты задохнешься!

Не сразу я начала понимать, что он... что он ищет, куда бы меня спрятать.

— Скорее! — крикнул, пригибая меня к полу. — Залезай под кровать! Это недолго, я постараюсь быстренько спровадить ее в ванную, а потом выпущу тебя.

Выпустит меня из-под кровати?!

И он ринулся в прихожую, откуда уже раздавался нежный зов:

— Аличек! Где ты, миленький?

Хм... когда я разводилась с мужем, у меня и язык не поворачивался назвать его Ленечкой или миленьким. Что-то здесь не то...

И вдруг до меня донесся голос любимого мужчины:

— Сладкая моя! Наконец-то!

А следом раздалась чмоки-чмоки, да такие страстные...

Слышала я прописную истину: если мужчина зовет вас сладкой, или зай, или лапой, значит, вы у него отнюдь не единственная, а это универсальное прозвище нужно исключительно для того, чтобы не путаться в многочисленных именах и не назвать, к примеру, Иру — Валец, Таню — Светой, а Жанну — Леной.

Все прописные истины до тошноты верны... Получается, мне нагло ввали — насчет развода с женой? И я была, грубо говоря и мягко выражаясь, только временной подстилкой?

Я схватила в охапку свое барахлишко, кинулась к двери на лоджию и выскочила вон.

Неторопливо оделась, даже не стараясь производить как можно меньше шума, ибо мне теперь совершенно все равно, что ждет героя моего пылкого романа, обулась, повесила на плечо сумку, села на перила лоджии (еще слава богу, что она не остеклена, не зарешечена!), перекинула наружу ноги...

Мой бывший любовник живет на первом этаже. То есть покончить с собой из-за разбитого сердца мне совершенно не грозило.

Лгут люди, когда поют песни на тему: «А любовь не проходит, нет!» Проходит все, это я теперь знаю доподлинно! Причем улетучивается мгновенно!

Стоит только предложить женщине спрятаться под кровать...

Я перешла улицу и помчалась через Театральный сквер к автобусной остановке на площади Свободы. Сейчас на маршрутку — и на вокзал, там на поезд — и скорей в Дзержинск, в больницу, в роддом, где я работаю. Работа — лучшее лекарство от всего на свете, в том числе и от сердечных бед. Это тоже прописная истина. С утра начинается мое дежурство. В кои-то веки я не опоздаю, успею на первую электричку, вот и еще одна истина подоспела: нет худа без добра! Сейчас подойдет маршрутка...

И только тут я вспомнила, что подойдет она только в пять утра, а сейчас — еще половина третьего! Вот почему так пусто и тихо здесь!

Куда же мне податься? Не назад же возвращаться! Или пешком идти до вокзала? На противоположной стороне площади стоит такси, но денег на него вульгарно жалко: впереди у меня серьезные траты, я сейчас буквально на спичках экономлю!

Растерянно оглядываюсь и вдруг в довольно ярком свете фонарей, понатыканных в аллеяке там и сям, вижу собаку, которая весело гоняет что-то по газону. Ворох какого-то растрепанного тряпья. Странно, впрочем: с чего бы это тряпье время от времени вскрикивает истощным хриплым голосом?

Бог ты мой! Да ведь это никакое не тряпье! Это ворона!

Птица небольшая — наверное, еще совсем молодая. Почему она не летает? Еще не умеет? Или крыло по-

10 вреждено? Или просто никак не может отбиться от собаки?

Я громко кышкаю на веселую псину, которая явно не желает расставаться со своей игрушкой. Уговариваю ее так и этак, но она не уходит. Поднимаю палку, замахиваюсь — хотя это и противоречит моим принципам! — и тут собака наконец отбегает, обиженно оглядываясь на меня.

Однако отбегает она недалеко. И стоит мне только сделать несколько шагов от вороны, как собака стремглав кидается на прежние позиции.

Снова кышканье с моей стороны, снова демонстрация силы. Собака отступает.

Ворона сидит на земле и выдавливает из широко распахнутого клюва какие-то хриплые, запыхавшиеся звуки.

— Ах ты, бедолага, — говорю я, — намучилась?

Она издает нечто очень напоминающее: «Аг-га!»

Я наклоняюсь и осматриваю ворону. Крылья вроде в порядке. Может быть, ей надо просто передохнуть? Вот на этом дереве. В его развилке что-то вроде удобной седловины. Птица сможет и постоять, и полежать. Наберется сил — и полетит, куда ей надо. Сейчас я ее поймаю, посажу..

Легко сказать, да трудно сделать. Несколько минут я бестолково гоняюсь по скверу за вороной, которая шипит, и кричит, и мечется туда-сюда, норовя клюнуть меня и истрепать до крови мои руки. Ну и дура! Отчего ж это безошибочные животные инстинкты ей не подсказывают, что я не враг, а друг?

Наконец я нагоняю ворону, бесцеремонно цапаю ее и водружаю на дерево.

— Тихо сиди! — грожу на прощание пальцем и выбираюсь из довольно-таки грязного месива, которое представляет собой газон.

Начинаю отряхиваться, очищать подошвы о бордюр — и вдруг порывом ночного ветерка ко мне подносит какую-то бледно-красную бумажку. Смотрю на нее, не веря глазам, потому что это — пятьдесят евро.

Ничего себе... ночью в центре Нижнего Новгорода найти такую сумму! Кто ж ее обронил, интересно знать? Ни души поблизости.

А может быть, она с неба упала, эта денежка? К примеру, ее сбросил какой-нибудь птичий бог, решивший вознаградить меня за спасение одной из своих подданных? 11

Ну что ж, я ему очень благодарна. Ведь благодаря этой бумажке я смогу полететь в Париж прямым рейсом! Авиакомпанией «Люфганза»!

* * *

Если бы я знала в тот миг, что меня ждет, я бы закопала деньги в землю, честное слово! Чтобы никто и никогда ее не нашел, эту красивенькую бумажку, приносящую несчастье.

А главное, не спасайте ворон, если хотите жить!

5 января 1793 года.

Из дневника

Шарлотты Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо

Какое чудовищное событие! Какие страшные новости! Только что прибыл нарочный из Парижа. Он мчался двое суток без отдыха и загнал коня, он и сам едва жив. Но что за вести он привез!

Их две. Две вести о смерти. Обе они касаются и Франции, и нашей семьи. Которая из них страшнее? Обе чудовищны... Но если одна наполнит сердца всех благородных людей ужасом, другая заставит их вздохнуть с мрачным облегчением и подумать о том, что справедливость еще есть на небесах, которые, чудится, в последние времена вовсе отворотили свои взоры от нашей несчастной страны.

Мой отец лишился сознания, когда обе эти вести дошли до него. Он человек благородный, но — глубокий старик, и к тому же он — отец...

Я понимаю его. Ведь и я не просто графиня Лепелетье де Фор, аристократка, но и сестра. У меня у самой разрывается сердце оттого, что я не в силах примирить свое горе с благодарностью небесам. Я оплакиваю проклинаемого... Я ничего не могу с собой поделать.

Но — прочь слезы! Их давно не видел мой верный дневник. Не увидит и теперь.

12 Вот первая из новостей.

Конвент проголосовал за казнь короля! Наш народ, кинувшийся было от «Vive le Roi!» к «Vive la République!», выкрикнул теперь: «Vive la Mort!»¹. Это был не единогласный, не дружный крик, однако мой брат, мой брат... он был среди тех, кто подал свой голос за убийство государя!

Нет, я не могу поверить. Луи-Мишель! Мой брат!

О боже, но разве не шло все к этому с тех самых пор, как граф Луи-Мишель Лепелетье де Фор де Сан-Фаржо объявил себя «другом народа», подобно Марату, Робеспьеру, Фуке-Тренвиллю² и другим кровавым чудовищам? Мой брат — аристократ, человек благороднейшего происхождения! — начал уверять, что правы те, кто сажает аристократов на тележки и отправляет на прокорм к «тетушке Луизе»³. Он вместе со всеми распевал «Ça ira!»⁴ и заигрывал с этой жуткой девкой, как они ее называли, «амазонкой революции», проституткой Теруань де Мерикур, и приветливо улыбался «вязальщицам», которые шли за приговоренными к эшафоту, выкрикивая злобные насмешки, и вязали, беспрестанно вязали при этом толстые полосатые носки на продажу, а потом пытались подкупить палача, чтобы тот продал им волосы, остриженные с голов «аристо», аристократов, перед тем, как эти головы скатятся в корзину. Ведь волосы казненного, уверены эти гнусные простолюдины, приносят счастье...

Чужая мучительная смерть приносит счастье? Чудовищное представление! Зрители его — чудовища! Мой брат уже давно стал таким же. Чего только стоят эти его безумные проекты национального воспитания детей?! Он

¹ «Да здравствует король!», «Да здравствует республика!», «Да здравствует смерть!» (*франц.*)

² Деятели Французской революции конца XVIII века.

³ Народное прозвище гильотины, по имени ее изобретателя, доктора Луи Гильотена. Приговоренных везли к месту исполнения приговора в особых позорных тележках.

⁴ Первые слова революционного гимна описываемой эпохи — «Дело пойдет!».

предлагал всех детей начиная с пяти лет отнимать у родителей и помещать в какие-то интернаты, созданные за счет налога на богатых и знатных! За отказ родители лишались бы гражданских прав и подвергались штрафам. Дети должны были работать на полях и в ремесленных мастерских, обслуживать себя, ухаживать за стариками. Какая глупость! Зачем мучить несчастных детей и лишать их родительской ласки? Когда я осмелилась сказать брату, что сам он ни за что не отдал бы в такой интернат свою дочь, он страшно рассердился и увез свою семью из Сан-Фаржо. Боже мой, я так давно не видела ни милую Аделаиду, ни маленькую, очаровательную Луизу-Сюзанну! Я так соскучилась по ним!..

Почему, ну почему я надеялась, что настанет время — и мой брат одумается, спохватится, устыдится себя и того, что он делает?

Теперь это время уже никогда не настанет.

Наш злосчастный король еще только выслушал свой смертный приговор. Он проживет еще три дня, прежде чем сложит свою невинную голову на гильотине. А приговор моему брату уже приведен в исполнение!

Я почти не знаю подробностей. Надеюсь, что скоро мы получим более пространные вести о случившемся. Наверное, их привезут те, кто доставит из Парижа тело Луи-Мишеля. Курьер — он человек верный, но недалекий — мог только очень бегло рассказать о том, что творилось нынче в Париже: сначала в зале Манежа на Вандомской площади, где проходил суд, а потом и в ресторанчике Феврье в Пале-Рояле. Он говорил, что 11 декабря под проливным дождем из ворот тюрьмы Тампль выехала карета мэра Шамбона, в которой сидел король, одетый как буржуа: в орехового цвета сюртуке и рединготе. В карете с его величеством (эти низкие негодяи называли его «гражданин Луи Капет», но мне никто, никто не запретит называть Людовика XVI по-прежнему — его величеством!) были сам мэр и прокурор Шоммет; снаружи их сопровождал комендант Сантер с пушками, кавалерией и двойным рядом пехоты; все взводы с оружием были наготове, усиленные патрули рыскали по соседним улицам.

14 Сантер ввел Людовика в зал под руку... из почтительности? Или он боялся, что король — король Франции! — вдруг кинется в бегство, словно какой-нибудь воришка?! Почтительность, граничащая с оскорблением!

Это был тот самый зал, где ровно год назад наш король принял Конституцию. Тогда все танцевали и рукоплескали. Теперь королю (королю Франции!) сухо говорят: «Людовик, вы можете сесть». И ему приходится уговаривать Конвент, чтобы королю Франции позволили взять адвоката, хотя это право закреплено в той самой Конституции, которую он принял под давлением этих негодяев, этих мерзавцев... к которым принадлежал и мой брат.

Важный Тарже, стяжавший скандальную славу, защищая кардинала Рогана по знаменитому делу об ожерелье, отказался быть адвокатом короля: он-де старик, ему пятьдесят четыре года! А вот шестидесятичетырехлетний мэтр Троше не отказался. И семидесятилетний Мальзерб вызвался сам, сказав при этом: «Я дважды призывался в совет моего монарха, когда весь мир домогался этой чести, и я обязан ему этой услугой теперь, когда многие считают ее опасной». Для защитительной речи они выбрали более молодого адвоката де Сеза и принялись за изучение пятидесяти семи обвинительных пунктов и за сто два документа.

Настало 26 декабря, среда. Де Сез говорил почти три часа. Его речь, мужественная и обдуманная, могла бы произвести впечатление, когда бы не было все решено заранее.

Де Сез понимал, что обречены на поражение и он с его попытками защиты, и король. Единственное, о чем адвокат просил, это чтобы не сам Конвент выносил приговор, а чтобы спросили волю народа! Народа, именем которого революционеры учинили в стране кровавый дебош! Увы, в этом адвокату и его подзащитному было отказано. «Вот он, народ!» — прозвучало с высоких трибун обвинения, а затем последовал патетический жест в сторону переполненных рядов для публики.

Кто же занимал эти ряды? По словам нашего осведомителя, в основном это были простолюдины, отбросы общества, обитатели рынков, мясники в фартуках и с ножами за поясом, черные от копоти угольщики, пьяные санкю-

лоты в красных колпаках. В первом ряду были оставлены места для герцога Орлеанского и его любовниц. Они приехали в фиакрах, разукрашенных трехцветными лентами и синими и красными перьями. Кузен короля приехал полюбоваться тем, как его родственнику будут выносить смертный приговор...

Но большую часть мест в зале занимали подруги этой ужасной женщины, Теруань де Мерикур, потому что она опасалась, что мужчины побоятся голосовать за смерть Людовика. Как я слышала, эта особа вообще невысокого мнения о мужчинах и признает их годными только для своих развратных занятий, но отнюдь не для серьезных, тем паче государственных дел. Ну что ж, жизнь показала, что эта девка хорошо знает людей!..

Писать больше не могу — меня зовут к отцу.

*Наши дни.
Василий Каширин*

— А не пойти ли вам всем в сад? — пробурчал Василий себе под нос, завидев приближающегося к нему гаишника. И это еще очень мягко сказано! В половине второго ночи, на Дзержинском повороте трассы Москва — Нижний Новгород, можно употребить и другие, более сильные выражения — особенно если тебя ни с того ни с сего тормознули у поста ГИБДД.

Можно было, конечно, махнуть мимо поста. Но! Не далее как полмесяца тому двоюродный брат Сева «маханул» на этом же самом месте, однако уже на подъезде к Нижнему был остановлен превосходящими силами автоинспекции и конвоирован прямоком в отделение. Там ему сообщили, что «Лексус» совершенно с такими приметам и схожим номерным знаком был недавно обозначен в полицейской ориентировке, так что предъявите документы, гражданин, а также извольте лицом к стене, руки на голову, ноги на ширину плеч!.. Сева провел трое суток в «обезьяннике», ну а «Лексус» это время простоял на штрафной стоянке, где с него сняли все, что можно было снять, а заодно нацарапали на крыле неприличное слово.